

М. И. Конюшкевич (Гродно)

КУДОЙ? ЕСТЬ ЛИ ПРАВО НА ЛЕГИТИМНОСТЬ?

Доказано, что, несмотря на универсальность мышления всех народов на Земле, каждый этнос концептуализирует и категоризирует мир по-разному. Применимо данное положение и к таким близким лингвокультурам, как русская и белорусская. Несмотря на то что в обоих языках пространственные номинации образуют четыре концентрически расширяющихся круга, происходя из понятий *человек – дом – страна – мир* [1, с. 128], между обеими лингвокультурами заметны и различия в концептуализации и категоризации пространства, о чем свидетельствуют русские концепты на тему пространственной беспредельности – *простор, приволье, раздолье, размах, удаль* и др. [3, с. 338] и малая значимость таковых для белорусской лингвокультуры.

Дискретизация пространства в белорусской лингвокультуре носит более суженный, но вместе с тем и более дифференцированный характер, особенно применительно к ближнему кругу говорящего, экстраполированному на его собственное тело как ориентир нахождения объекта в пространстве. Об этом красноречиво свидетельствуют предлоги: в белорусском языке насчитывается свыше 150 предлогов и их аналогов, образованных от 16 соматизмов и выражающих пространственные отношения. Только с лексемой *бок* в белорусском языке насчитывается свыше 60 единиц!

Еще одна особенность белорусской картины мира состоит в категоризации транзитивной семантики. Как известно, в обоих языках в качестве основных выделяются следующие субкатегории: локализация в пространстве: *где*; направление движения, т. е. директив-старт: *откуда* и директив-финиш: *куда*; трасса, или транзитив: *каким путем*.

Транзитив в обоих языках распадается, по крайней мере, на четыре отчетливые разновидности, выражаемые формами а) творительного падежа без предлога (рус. *идти лесом*, бел. *ісці лесам*), б) предложно-падежными формами – в дательном (рус. *по*) или предложном (бел. *па*) падежах (*идти по лесу – ісці па лесе*), в) винительного падежа с предлогом (*идти через лес – ісці праз лес*), г) винительного падежа с предлогом (*проникать сквозь щель – пранікаць скрозь шчыліну*). В зависимости от того, какая семантика профилируется говорящим, выбирается и соответствующая форма существительного: если важно, например, подчеркнуть характер движения, т. е. наряду со значением ‘трас-

са' включить еще отмечаемое многими русскими и белорусскими словарями значение 'преодолевая преграду, препятствия', то используется форма с предлогом *через* (бел. *праз*), а в ситуациях перцептивного движения, отражающего процесс зрительного или слухового восприятия, – формы с предлогом *сквозь* (бел. *скрозь*).

Различие между сообщениями *Они едут дорогой* и *Они едут по дороге*, по мнению П. В. Дурста-Андерсена, заключается в характере отношения, которое наблюдатель устанавливает между перемещаемым субъектом и пространством: в *Они едут по дороге* «дорога служит рецептом, моделью езды, т. е. они следуют дороге» [2, с. 149], в высказывании *Они едут дорогой* это иное отношение – отношение включения (инклюзии), когда наблюдатель видит субъекта, включенного в пространство как часть в целое, как элемент в множество. Иначе говоря, выбирая форму творительного падежа, говорящий (он же наблюдатель) **представляет субъекта движения неотделимо от его ближнего круга.**

Видимо, этим вниманием белоруса к ближнему пространству и объясняется тяготение в белорусском языке к творительному падежу транзитивных форм. Мы видим это тяготение, например, в отыменных предлогах *кірункам да, накірункам да* (сравн. в рус.: *в направлении к, по направлению к*), в более высокой доле творительного транзитивного в белорусскоязычных текстах. Так, в оригинале романа В. Короткевича «Каласы пад сярпом тваім» эта доля настолько велика, что, как ни стремилась В. Щедрина сохранить аналогичную форму в переводе таких сочетаний на русский язык, порой даже несмотря на некоторую их искусственность для русского языка, в качестве эквивалента ей нередко приходилось отходить от оригинала: изменять предложно-падежную форму, заменять саму номинацию трассы, а то и вовсе опускать такую единицу; сравн.: *Стрэл пракаціўся вершалінамі пушчы. – Выстрел прокатился по вершишкам пушчи.*

Думается, что этим можно объяснить и наличие в белорусском языке однословного транзитивного дейксиса: *кудой(ю), тудой(ю), сюдой(ю), тудэма, сюдэма* и др., имеющего внешнюю форму тв. п. имени, несмотря на наречное происхождение. И хотя нормализаторами белорусского языка они маркированы как областные, их употребительность в живой белорусской речи очень широка – от фольклорных текстов до текстов, адаптированных в образовательных целях.

В русском языке однословный дейктический показатель транзитива отсутствует, вместо него используются сочетания *идти каким путем? какой дорогой?*.

В современной русскоязычной городской низовой культуре белорусов употребление местоименных транзитивов наблюдается повсеместно, о чем свидетельствуют контексты из Интернета: *А кудой идти к хорошему, если родители этого не показали? А кудой пойдет 84 автобус? Кудой, все-таки, будет проезд к строящемуся дому на перекрестке Рокоссовского-Плеханова? Ты должен объяснять своему второму компьютеру, кудой выходить в инет.*

Живучесть слов *кудою*, *сюдою* и их вариантов в русской речи белорусов объясняется, на наш взгляд, рядом причин. Во-первых, действием закона аналогии, по которому наречная форма обрела форму творительного падежа субстантива; во-вторых, путем включения самого субъекта в пространство, т. е. использованием формы творительного падежа существительного. В-третьих, творительный транзитивный поддерживается другими значениями творительного падежа: сравнительными (*хадзіць гогалем*), характеризующими (*хадзіць кругамі*), инструментными (сравн. *плыць морам – плыць цеплаходам*), временными (*Хадзіць такою парою?*).

Наконец, слово *кудой* семантически более емко, нежели сочетание *каким путем*, ибо совмещает в себе а) директивно-финишное значение 'куда', б) трассу движения 'по какому пути', в) траекторию движения 'каким образом', г) включение субъекта в ближнее к нему пространство 'каким путем'.

Таким образом, если просторечие проявляет такую живучесть в виде конкретной единицы, то это не просто «первый или последний звонок в системе» (Е. А. Земская), но и давление системы, ее требование, а также и потребность самого носителя языка.

У математиков есть выражение: «Уравнение слишком красиво, чтобы быть неправильным». Перефразируя математиков, скажем: «*Кудою* и ему подобные транзитивы слишком красивы и слишком нужны, чтобы быть неправильными».

Более того, в живой речи они проявляют целый ряд системных свойств – деривационных (*никудой*, *кудой-то*), парадигматических (*Тудою, сюдою али етойдою?* – С. Г. Писахов), синтагматических (они выполняют как вопросительную, так и относительную функцию с изъяснительными и определительными придаточными).

Представляется, что единицы типа *кудой*, *тудой*, *сюдой* и в русском языке имеют право на легитимность, как необходимые в коммуникации средства, для которых существует их и только их законная ниша в системе языка. И, пожалуй, не только белорусского.

1. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 127–134.

2. Дурст-Андерсен, П. В. Предложно-падежная система русского языка. Понятие контакт vs. неkontakt // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 135–151.

3. Левонтина, И. Б. Родные просторы / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 338–347.